

В рамках теоретико-правового анализа правомерен вопрос: какова сущность государства, которое функционирует как аналог платформенного сервера с непрерывной работой – без выключений или перезагрузок, размещая большой объем информации (большой объем данных), благодаря функционированию системе процессоров и использованию алгоритмов искусственного интеллекта?

Сущность государства, как хорошо известно, – это главное качество, его свойство, которое остается постоянным на всем протяжении времени его эволюционной динамики, определяет цели и является источником развития. Стоит обратить внимание на то, что государство-платформа в цифровом обществе позиционируется, прежде всего, в своей институциональной функциональной динамике.

Государство-платформа – это метафора, символизирующая технологические особенности функциональной динамики государства эпохи цифровизации. Тем не менее на сущностные характеристики государства цифровизация не оказывает серьезного влияния. Именно поэтому в эпоху цифровизации важно помнить и постоянно иметь в виду и то, что государство имеет не только социальное, но и персонально-личностное измерение. Это во-первых.

Во-вторых, субъекты власть-отношений являются обладателями специальных (компетентностных) статусов [9, с. 60–68], закрепленных нормами публичного права по причине своего особого значения для развития социума. Публичные статусы субъектов государственной власти в системе институтов нормативно закрепляют: 1) функцию персонификатора власти – гражданина, значимую для общества конкретного исторического периода (государство есть социетальная (в терминологии американского социолога А.Г. Келлера и отечественного правоведа Л.С. Мамута) функция общества); 2) престиж этой функции в иерархии общественных ценностей (в образе государства-платформы значимое место отводится человеческому субстрату государства – системе государственной службы). Авторам концепции государства-платформы важным представляется показать, «как должна измениться сама госслужба во время цифровой трансформации оказания государственных услуг, ведения разрешительной и контрольно-надзорной деятельности и принятия управленческих решений» [10].

Познавательные ресурсы правовой аксиологии применительно к статусному публичному праву проявляются в том, что позволяют переформатировать традиционную проблематику в отношении надлежащего функционирования публичного права в национальной правовой системе в контексте человеческого изменения. Функциональная достаточность публичного права в национальной правовой системе сфокусирована на правовых ценностях и ценности публичного права.

1. Культуральные исследования права / Глухарева Л.И. [и др.] ; под общ. ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб., 2018.
2. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М., 2011.
3. Мальков Б.Н. Основы философии права : курс лекций. М., 2005.
4. Малахов В.П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М., 2018.
5. Гаджиев Г.А. Договор как общеправовая ценность [Электронный ресурс]. URL: http://www.izak.ru/img_content/pdf/doklad-gadgiev.pdf (дата обращения: 26.10.2018).
6. Пашенцев Д.А. Правосубъектность в современной теории права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сб. материалов к XII Ежегод. науч. чтениям памяти проф. С.Н. Братуся. М., 2017. С. 29–35.
7. Спиридонов Л.И. Избранные произведения. СПб., 2002.
8. Шклярук М. Государство как платформа: люди и технологии [Электронный ресурс]. URL: <http://gaidarforum.ru/news/gosudarstvo-kak-platforma-lyudi-i-tehnologii> (дата обращения: 21.01.2019).
9. Крупняя Е.М. Институт статусного публичного права: онтологические характеристики в контексте гносеологических установок // Вестн. Акад. права и упр. 2017. № 1. С. 60–68.
10. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA-internet.pdf> (дата обращения: 22.01.2019).

УДК 340.1

С.И. Максимов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВА: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО

Процессы глобальных изменений в современном мире обуславливают повышение внимания к их ценностной составляющей, которая как несет на себе отпечаток этих процессов, так и дает сигналы о тенденциях и перспективах их дальнейшего развития. Особенно это заметно применительно к такой сфере жизни общества, как право, в котором наблюдается смещение ориентиров с ценностной нейтральности к ценностной наполненности. Этим обуславливается повышенный интерес к исследованиям в области аксиологии права [1, 2] и даже выделение ценностного компонента права в особый структурный элемент правовой системы, так называемую аксиосферу права [3]. Что же представляют собой ценности, как связаны между собой ценности и право и какие ценности определяют внутреннее содержание права, его основу?

Ценность – это то, что является значимым, важным для человека и вызывает положительное отношение к себе. Они представляют собой

цели, к которым люди стремятся. Ценности связаны с удовлетворением человеческих потребностей, они мотивируют деятельность человека.

Человек оценивает определенные явления или процессы с точки зрения их значимости как хорошие или плохие, правильные или неправильные, т. е. осуществляет деятельность оценивания. Тем же критерием, на основании которого осуществляется оценка, и являются ценности. Они воплощаются в реальной жизни людей: с одной стороны, в бытии самих людей как их определенные качества, или добродетели (благоразумие, мужество, мудрость, справедливость), с другой – в бытии вещей и событий как блага (порядка, культуры, цивилизации) [4, с. 101].

Каждая из сфер человеческой деятельности имеет свою систему ценностей, которая репрезентирована в главной ценности. Последняя определяет природу этой деятельности и составляет ее основу. Общеизвестно, что основной ценностью науки является истина, морали – добро, а главной ценностью искусства – красота (прекрасное). К этим универсальным или, как иногда говорят, общечеловеческим ценностям относится и справедливость, которая олицетворяет в себе высокое значение права.

Поскольку право является культурно-историческим, т. е. созданным человеком, феноменом, его природу и содержание невозможно понять без обращения к ценностям, которые оно воплощает и которые оно защищает. Такие ценности называются правовыми.

Таким образом, правовые ценности определяют сущность и цели права, лежащие в его основе. Они находят свое воплощение (объективацию) в принципах права и правовых нормах. Каждая правовая норма, которая не имеет чисто технического характера, служит воплощением, развитием, конкретизацией какой-то ценности. Особенно тесная связь существует между правовыми ценностями и принципами права. Если ценность ориентирует деятельность на желаемую цель, то принцип определяет общие требования обеспечения реализации такой цели (справедливость как ценность и принцип справедливости).

Понятие правовых ценностей обычно связывают с естественно-правовым подходом, который делает акцент на содержании права. Так, еще Августин подчеркивал, что отличие государства от шайки разбойников заключается в том, что оно основано на справедливости. Однако это понятие не чуждо и правовому позитивизму, который хотя и придерживается ценностно-нейтрального подхода к праву, однако при этом выдвигает на первый план ценность нормативного порядка.

Среди ценностей, которые воплощаются в праве (или защищаются правом), отличаются универсальные ценности, которые не зависят от конкретно-исторических условий и целей законодателя. В своей совокупности они образуют идею права.

Выдающийся немецкий правовед Г. Радбрух считал, что идею права составляют три основные ценности, которые находятся между собой в определенном взаимодействии и подчинении: справедливость, правовая определенность и целесообразность [5, с. 155–162]. Можно сказать, что на каждой из них акцентирует свое внимание определенный тип правопонимания, соответственно: естественно-правовой подход, правовой позитивизм и социологический подход к праву. Справедливость олицетворяет в себе высокое назначение права и является основной правовой ценностью. Она является сложной ценностью и воплощает в себе определенное соотношение относительно более простых, но не менее универсальных правовых ценностей, а именно: человеческое достоинство, свобода и равенство. Они в наибольшей степени связаны с пониманием человека как высшей ценности и составляют основу права. Именно эти ценности находят признание в трех категорических принципах права, формулируют требования справедливости в обостренной и лаконичной форме: «Предписания закона таковы: жить честно, не обижать другого, каждому воздавать должное». Эти принципы, в которых находят воплощение все правовые требования и которые ведут свое происхождение от римского юриста Домиция Ульпиана (ок. 170–228), сформулированы в самом важном западном собрании права, утвержденном императором Юстинианом (527–565), *Corpus Juris Civilis* («Свод гражданского (нецерковного) права»), в начале Дигест [6]. Современной модификацией этой формулы, которая прошла сквозь века, является ст. 1 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [7].

Правовые ценности принято делить на ценности-цели и ценности-средства. Кроме упомянутых универсальных ценностей к ценностям-целям могут быть отнесены более конкретные ценности, занимающие в иерархии ценностей менее высокую ступень. Это те блага, которые непосредственным образом позволяют человеку взаимодействовать с обществом, правом и государством: собственность, порядок, образование, наука, культура, гражданское общество, местное самоуправление и др. Наряду с ценностями-целями в сферу права также относятся ценности-средства, которые определяют понятийные рамки права и выражают его инструментальную ценность (т. е. правовые ценности в собственном смысле). Это законность, правовая определенность, нормативность, правосудие, правопорядок и др. Они значимы как инструменты постижения и обеспечения ценностей-целей [8, с. 542].

Одним из аспектов темы ценностей права является вопрос о ценности самого права. Обладает ли право собственной ценностью или ценность права является лишь инструментальной? За правом безусловно

признается инструментальная ценность как средства реализации указанных ценностей. В то же время право имеет и собственную ценность, поскольку воплощает в себе универсальные ценности, такие как свобода, равенство, справедливость и человеческое достоинство, которые положены в основу правовой системы, определяют природу права. Взгляд на данные феномены с аксиологической перспективы (т. е. как на правовые ценности) не отменяет, а дополняет традиционный подход к ним с деонтологической перспективы – как основополагающих принципов права в единстве с общими принципами права [9].

В небольшом по объему тексте невозможно в равной мере уделить внимание всем основополагающим (базисным) правовым ценностям. Поэтому сосредоточимся на такой ценности, как человеческое достоинство, которой хотя и в меньшей степени уделяется внимание по сравнению иными правовыми ценностями – свободой, равенством и справедливостью, – однако, которое по Ульпиану, является исходным в представлении содержания права и справедливости.

Понятие человеческого достоинства выражает ценность человеческой личности. Человеческое достоинство является одной из универсальных правовых ценностей и основой прав человека. Его признание составляет ядро гуманизма – мировоззрения, в центре которого находится идея человека как высшей ценности. Гуманизм требует, чтобы право было сконцентрировано на человеке, его интересах, обеспечивало его юридическую защищенность, создавало условия для свободного развития и самореализации.

Идея человеческого достоинства, как и идеи свободы, равенства, справедливости, принадлежит к основным темам правовой мысли еще с античных времен. И все же его значение как правового понятия (или даже принципа) резко возросло после Второй мировой войны, когда человечество столкнулось с ужасными случаями массового унижения человеческого достоинства, достигших невероятных масштабов. Для предупреждения возврата такого состояния варварства человеческое достоинство для права становится «новым ключевым понятием», в котором содержится понимание того, что к человеку в силу его особых свойств, отличающих его от всех иных живых существ, следует относиться особенно бережно. Итак, с середины XX в. человеческое достоинство рассматривается как высшая и неприкосновенная ценность, которая находится на вершине конституционного порядка, а конституционное обеспечение его неприкосновенности – «антропологической предпосылкой» и отправным пунктом всех действий государства [10, с. 70].

Каковы же критерии человеческого достоинства? Что могло бы быть определяющим свойством, присущим исключительно человеку, благодаря которому признавалось бы достоинство человека?

Можно привести три важные точки зрения относительно особенностей человека, которые являются основой его достоинства.

1. Подобие Богу. Это религиозный (христианский) подход. Поскольку Бог создал человека по своему образу и подобию (Моисей 1: 27), это возвышает его над животными. Хотя в чем точно это подобие, или сходство, заключается, толкуется по-разному, но в любом случае к нему относят разум и свободу воли.

2. Проектирование своих возможностей. Потребность человека делать себя таким, каким он хотел бы быть, выделяет человека из других живых существ.

3. Самоцель. И. Кант рассматривает человека как существо, ориентирующееся на самого себя. Именно разумность человека и автономия как следствие этой разумности являются отличительными свойствами человека и придают ему «бесценное достоинство».

И все же тому, кто не является верующим-христианином, будет трудно признать сходство человека к Богом основой его достоинства. Также могут возникнуть сложности у человека с материалистическим мировоззрением с кантовским понятием о человеческом достоинстве. Поэтому в нейтральном с точки зрения религии и мировоззрения государстве обе эти линии доказательства могут сближаться. В пределах понимания человеческого достоинства на основе «проектирования своих возможностей» может быть сформулирован социальный принцип человеческого достоинства как социально признанной способности человека быть таким, каким он хочет быть, даже если эта способность не может быть актуально реализована [11, с. 128].

Идея человеческого достоинства находит выражение в известных юридических документах. В ст. 1 Всеобщей декларации прав человека говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [7]. В преамбуле Хартии Европейского Союза об основных правах отмечается, что «Европейский Союз основывается на неделимых и общих ценностях – достоинство человека, свобода, равенство и солидарность» [12]. Положение о человеческом достоинстве как важнейшей конституционной ценности отражается в некоторых национальных конституциях, включая Конституцию Украины (ст. 3). Наиболее основательно идея человеческого достоинства представлена в Конституции (Основном Законе) ФРГ: «Достоинство человека является неприкосновенным. Уважать и защищать его – обязанность всей государственной власти» [цит. по: 13, с. 163]. Здесь не только признается ценность человеческого достоинства, но и закрепляется принцип его неприкосновенности как важное основание его защиты. Доктринальное закрепление положения о человеческом достоинстве как конституционной ценности осуществлено в решении Конституционного

Суда Украины от 23 мая 2018 г. № 5-р/2018: «...человеческое достоинство необходимо трактовать как право, гарантированное статьей 28 Конституции Украины, и как конституционную ценность, которая наполняет смыслом человеческое бытие, является фундаментом для всех конституционных прав, мерилем определения их сущности и критерием допустимости возможных ограничений этих прав» [14].

Принцип человеческого достоинства в функционировании правовой системы выражается через признание за человеком статуса субъекта права как носителя прав и обязанностей, т. е. признание за человеком статуса субъекта права (в соответствии с учением о статусах немецкого юриста Г. Еллинека) подтверждает признание за ним человеческого достоинства. Признание человеческого достоинства вытекает из субъектности. Человек имеет права и обязанности, может строить свою жизнь, проектируя жизненные проекты и их осуществляя.

В таком аспекте человеческое достоинство рассматривается как основа прав человека и оказывается согласно Еллинеку в соответствии со следующими статусами: отрицательный статус (*status negativus*) – в личных гражданских правах, которые являются проявлением права на защиту от произвольного вмешательства в жизнь человека; позитивный статус (*status positivus*) – в праве на положительные действия государства по обеспечению достойной жизни (социальные права); активный статус (*status activus*) – в правах участия, т. е. политических правах [15].

Таким образом, признание субъектности человека служит обоснованием статуса человеческого достоинства как основы прав человека. С одной стороны, все права человека вытекают из признания его достоинства, а с другой – институт прав человека служит оптимальной формой воплощения и защиты достоинства личности. Кроме признания человеческого достоинства основой прав человека в конституции и доктрине обосновывается также право человека на достоинство (в частности, в ст. 28 Конституции Украины говорится: «Каждый имеет право на уважение его достоинства»).

Проблема человеческого достоинства неоднократно поднималась в решениях Федерального Конституционного Суда Германии. Это позволило сформулировать принципы для решения дел по этим вопросам. Прежде всего критерием нарушения человеческого достоинства является отношение со стороны государственной власти к человеку как к объекту.

Апелляция к конституционному принципу неприкосновенности достоинства человека легла в основу аргументации относительно так называемого закона об авиационной безопасности. В 2006 г. Федеральный Конституционный Суд Германии рассматривал вопрос о консти-

туционности принятого парламентом «Закона о безопасности полетов». Парламент имел тогда перед глазами сценарий «9/11», т. е. террористическую атаку на башни-близнецы Всемирного торгового центра, и поэтому позволил в ситуациях, когда пассажирский самолет превращается в живую бомбу, сбивать его, чтобы защитить гораздо большее количество людей, которые находятся на земле. Именно нарушение человеческого достоинства из-за отношения к людям как к объектам легло в основу вывода о неконституционности решения парламента Германии [16, с. 45–50].

Защита человеческого достоинства осуществляется не только в конституционном, но и в других отраслях права.

Медицинское право запрещает клонирование человека, которое рассматривается как вмешательство в человеческую природу, что наносит ущерб человеческому достоинству (Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, Дополнительный протокол о запрете клонирования человека к Конвенции Совета Европы о правах человека и биомедицине, Хартия Европейского Союза об основных правах). Кроме того, в медицинском праве конкретизировано конституционное положение о том, что ни один человек без его добровольного согласия не может быть подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Гражданский кодекс Украины предусматривает такой способ защиты гражданских прав и интересов в качестве возмещения морального вреда, который выполняет гуманистическую миссию защиты достоинства человека.

Право социального обеспечения призвано гарантировать гражданам достаточный жизненный уровень и социальную защищенность как составляющие достойного существования.

В дополнение к конституционному положению о том, что никто не может быть подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию, в Уголовном кодексе Украины указано, что наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, а согласно Уголовно-исполнительному кодексу Украины осужденные имеют право на гуманное отношение к себе и уважение достоинства, присущего человеческой личности. В свою очередь, уголовно-процессуальное право запрещает превращение людей в беззащитный объект государственной деятельности, которым распоряжаются как предметом, и способствует восстановлению достоинства потерпевшего и охране прав и свобод подозреваемого (обвиняемого). Все это дает основания считать человеческое достоинство критерием оценки в пределах процессуальной справедливости.

Итак, человеческое достоинство признается важнейшей конституционной ценностью, благодаря которой осуществляется легитимация института прав человека. Достоинство признается важнейшей ценностью, которая является абсолютной, а потому защита человеческого достоинства подобно праву на жизнь не может быть ограничена.

1. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью. М. [б. и.], 2002. 395 с.
2. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М. : Юрлитинформ, 2013. 200 с.
3. Горобец К.В. Аксиосфера права: философский и правовой дискурс. Одесса : Феникс, 2013. 218 с.
4. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб. : Лань, 1999. 252 с.
5. Радбрух Г. Философия права. Київ : Тандем, 2006. 316 с.
6. Дигесты Юстиниана. Титул I. Справедливость и право. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/01.php (дата обращения: 12.04.2019).
7. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.04.2019).
8. Горобец К.В. Правові цінності // Велика українська юридична енциклопедія : у 20 т. Т. 2. Загальна теорія права. Харків : Право, 2017. 1128 с.
9. Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика). Харків : Право, 2008. 240 с.
10. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопр. философии. 2012. № 2. С. 66–80.
11. Kirste St. Einführung in die Rechtsphilosophie. Darmstadt : WBG, 2010.
12. Хартия Европейского Союза об основных правах. Торжественная декларация [Электронный ресурс] (Ницца, 7 дек. 2000 г.). URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 12.04.2019).
13. Алекси Р., Бергман В. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). Приложения. М. : Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
14. Решение Конституционного Суда Украины от 23 мая 2018 г. № 5-р/2018. URL: <http://www.ccu.gov.ua/novyna/uhvaleno-uhvaleno-rishennya-konstytucijnogo-sudu-ukrayiny-no-5-r2018> (дата обращения: 12.04.2019).
15. Еллинек Г. Система субъективных публичных прав. СПб. ; М. : Освобождение, 1913. Вып. 1. 16 с.
16. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. М. : Инфотропик, 2018. 1048 с.

УДК 340.1

*Л.О. Мурашко, доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника экспертно-правового управления
Конституционного Суда Республики Беларусь*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Вопросы правовой аксиологии в современных исследованиях активно разрабатываются прежде всего в рамках конституционной аксиологии, получившей в последнее время новый импульс благодаря развитию теории конституционного правосудия.

К родоначальникам аксиологической концепции права в русле русской духовной традиции относят известных философов второй половины XIX – первой половины XX в. Л.А. Тихомирова и И.А. Ильина. Русская дореволюционная философская и правовая мысль, направленная на поиск наиболее оптимальной модели взаимодействия личности, общества и государства (труды Н.Н. Алексеева, П.И. Новгородцева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и др.), длительное время была недоступна и не востребована в силу многих причин и поэтому соответствующее признание получает в настоящее время.

Исчезнувшая из советской «карты права» правовая аксиология получила свои первые попытки «освоения» в конце 1960-х – середине 1970-х гг., в период, когда марксистско-ленинское философское наследие стало переосмысливаться (работы С.С. Алексеева, Ю.А. Демидова, В.Н. Кудрявцева, П.М. Рабиновича, В.П. Тугаринова, Ф.Н. Фаткуллина и Л.Д. Чулюкина и др.).

В современной правовой науке ценностный подход к праву получил новое развитие благодаря конституционалистам. Из российской ценностно-правовой традиции исходят в своих трудах такие известные правоведы, как С.С. Алексеев, Н.В. Варламова, В.Г. Графский [1], Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц и др., а также конституционалисты В.Н. Витрук, В.Д. Зорькин, Н.В. Бондарь, В.И. Крусс, Е.А. Лукашева, Б.С. Эбзеев и др. Правовой аксиологии посвящены работы А.Н. Бабенко, И.Д. Мишиной, В.Е. Пшидатка, И.В. Тимошкиной, О.И. Цыбулевской и др.

Представляется, что и белорусская правовая наука в определенной степени отошла от «методологического монизма»; философы осмысливают аксиологические аспекты становления национальной идентичности, национальной культуры и др. [2–5].

Познавательный потенциал аксиологического подхода к праву для всех стран постсоветского пространства, в том числе Беларуси, выражается в преодолении узости нормативизма и позитивизма, формально-догматической методологии, обусловивших односторонний подход к праву. Следует согласиться с Ю.Е. Пермяковым, который указывает, что «неизбежно возникает ситуация, когда на роль права претендует любая система санкционированных государственной властью норм, а на роль государства – любое организованное сообщество, нуждающееся в легитимации и практикующее организованное насилие» [6]. Ценностный подход к праву дает возможность исключить определение указанного состояния общества как правового.

Ценности в общей системе регуляции общества всегда играли значительную роль, обуславливая возникновение представлений об идеальных моделях социального взаимодействия. Ценность антропоцентрична, поскольку оценка явлений материальной и духовной сферы,